

Раздел 3 ОККУПАЦИЯ И СОПРОТИВЛЕНИЕ

Мандрик И.В.

БЕЛАРУСЬ В ГЕРМАНСКИХ ПЛАНАХ ОСВОЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ПРОСТРАНСТВА

В последние годы в нашей республике заметно возрос интерес к научным исследованиям проблем белорусской государственности. В Министерстве образования республики имеется намерение ввести новую дисциплину «История белорусской государственности» для реализации на первой ступени высшего образования в рамках цикла социально – гуманитарных дисциплин для студентов первых курсов всех специальностей высшего образования (за исключением профильных специальностей). Предполагается, что данная учебная дисциплина будет введена вместо «Истории Беларуси в контексте европейской цивилизации». Акцент в новой дисциплине высшей школы будет сделан на получении студентами концептуальных знаний по истории развития государственных институтов, которые являются неотъемлемыми атрибутами белорусской государственности. Такой подход к отечественной истории не случаен. Каждый гражданин страны с юных лет должен воспитываться на духовно-культурных традициях и ценностях белорусского этноса, истоки которого восходят к глубокой древности. Выявление исторических корней белорусской государственности, раскрытие предпосылок формирования национально-государственной идеи белорусского народа и ее становление – эта одна из востребованных на данном этапе задач. Задача эта не простая, ее решение потребует от историков (и юристов) серьезных усилий. Пока по вопросам генезиса белорусской государственности во взглядах авторов существуют серьезные различия. Учебники для школ, высших учебных заведений, публикации и даже фундаментальные научные работы, раскрывающие сложную палитру исторических событий, связанных с выделением и формированием властных государственных институтов, не лишены поверхностных обобщений. Особого внимания исследователей на данном этапе заслуживает обоснование исторической правомерности белорусской государственности.

Понимая, что предшествующий многовековой позитивный (как впрочем и негативный) опыт становления и развития белорусской национальной государственности важен в современных геополитических условиях для утверждения социального мира и согласия в обществе, научные учреждения стремятся к полному и объективному рассмотрению всех аспектов данного процесса. В этой связи нельзя не отметить подготовленный в последние два года фундаментальный труд «История белорусской государственности в 5-ти томах», четыре из которых уже дошли до своего читателя. Анализируя со-

держание изданных томов, следует отметить системность представленной концепции процесса эволюции белорусской государственности с четким выделением трех периодов. Коллектив ученых Института истории НАН Беларуси вместе с вузовскими коллегами ввели в научный оборот ранее неизвестные архивные документы и материалы, а также археологические источники. Совместная работа позволила комплексно осветить сложный процесс многовековой истории белорусской государственности, установить закономерности в реализации идеи белорусской государственности, как в исторических, так и в национальных формах. Несомненно, что работа историков по этой острой проблеме будет продолжена. Особенно актуальными для дальнейшей разработки являются вопросы, по которым у историков имеются расхождения во взглядах.

В данной статье автор сосредоточил внимание на дискуссионных вопросах, связанных с существенными изменениями в белорусской государственности в начале Второй мировой войны, а также с планами и реальной практикой нацистской Германии по территориально-административному устройству Беларуси в годы оккупации. Важнейшим событием начала Второй мировой войны, которое самым непосредственным образом повлияло на дальнейшее развитие белорусской государственности относится воссоединение Западной Беларуси с БССР. В процессе воссоединения сформировалось целостное белорусское государство, произошла консолидация белорусской нации. За короткий срок в западной части БССР были проведены кардинальные преобразования в социально-экономической и политической сферах. Значительные успехи были достигнуты в охране здоровья, науке, образовании. Этому важному для республики событию предшествовала череда европейских событий середины 1939 г. Историки и политики наиболее часто обращают свое внимание, по-разному оценивают пакт Молотова–Риббентропа. Этот документ, как они считают, был главным в решении судьбы населения Западной Беларуси, в составе которой она находилась с 1921 г. Соответственно, как указывается в печатных работах, этим документом была предопределена и судьба польского государства. Правда, у политиков и ученых при анализе данного документа имеются принципиальные различия. Отдельные авторы пришли к выводу, что Пакт Молотова–Риббентропа (с его секретным приложением) по своей сути ориентировал СССР на разрыв в одностороннем порядке Рижского мирного договора и соглашения между СССР и Польшей заключенного в 1932 г., что фактически означало ликвидацию Второй Речи Посполитой и сделало войну в Европе неизбежной [1, с. 310; 2, с. 5]. В Польше, в Украине, др. странах на государственном уровне прочно утвердилось мнение, что СССР – «главный виновник и главный зачинщик Второй мировой войны» [3, с. 7].

Действительно, подписанный СССР с Германией Пакт о ненападении – это довольно сложное политико-дипломатическое событие. Его нельзя рассматривать упрощенно, тем более без учета всего комплекса

межгосударственных отношений в мире в 30-х гг. XX в. Автор данной статьи до середины 1980-х гг. постоянно проводил в своих работах мысль, что содержание Пакта о ненападении для того времени было абсолютно приемлемым в отношениях между государствами. Все его 7 статей декларируют желание двух стран укреплять дела Мира, воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами. Договаривающиеся стороны обязывались не участвовать в группировках держав, которая прямо или косвенно была направлена против другой стороны, а в случае возникновения споров или конфликтов – разрешать их исключительно мирным путем. Вполне себе цивилизованные отношения между цивилизованными странами прописаны в этом документе. То есть в тех политических условиях договор с намерением не допускать военных конфликтов между странами, решать спорные вопросы за столом переговоров, был более чем правомерен. Вопрос возникал лишь в том, как между непримиримыми противниками в очень коротком промежутке времени могла произойти такая перемена. До середины августа 1939 г. у советских людей по отношению к гитлеровской Германии прочно утвердились взгляды как к стране агрессору. Но, в середине августа 1939 г. и после подписания Пакта государственные средства массовой информации (а других не было) моментально, сменив тон, стали характеризовать международную политику Германии как миролюбивую, что не могло не дезориентировать сложившиеся у населения страны мнение о реальном фашистском режиме. Ну и совсем трудно было понять и объяснить с точки зрения внешней политики, заключенный месяцем позже (28 сентября), германо-советский договор с названием «о дружбе и границах». Этот договор не мог не внести сумятицу в умы советских людей. В сложном положении оказались «левые силы» зарубежных стран, решительно выступавшие против фашизма. Отношение руководства СССР и нацистской Германии на этом этапе обозначались понятием «метаморфоза» (резкая перемена взглядов и идеологических установок), но связывать судьбу Польши с содержанием Пакта о ненападении, пока о дополнительном протоколе в СССР не знали, не было оснований. Доступные на то время документы приводили большинство историков к выводам, что данное соглашение появилось в результате неудачи руководства крупных стран в попытке формирования системы коллективной безопасности в Европе. Приводились неопровержимые подтверждения того, что советская дипломатия с середины 30-х гг. до середины августа 1939 г. предпринимала все возможные меры, чтобы заключить англо-франко-советский военный договор о совместной борьбе против гитлеровской агрессии. И это было справедливо. По советской инициативе в Москве на заседаниях военных миссий СССР, Англии, Франции 12–21 августа 1939 г., то есть за две недели до начала Второй мировой войны, именно кремлевские руководители прилагали в этом настойчивость. Но ни англий-

ское, ни французское правительство не пошло на заключение такого соглашения. В стремлении отвести угрозу от своих стран они были не прочь подтолкнуть Гитлера к войне против Советского Союза. В 1938 г. Франция и Великобритания заключили с Гитлером договоры о ненападении, а журнал «Тайм» даже назвал фашистского лидера человеком года. Более того они чтобы то не стоило стремились столкнуть фашизм и большевизм. Британский премьер-министр Болдуин в 1936 г. прямо заявил: «Нам всем известно желание Германии ... двинуться на Восток. Если бы он (т.е. Гитлер – *И.М.*) двинулся на Восток, мое сердце не разорвалось бы, Если бы в Европе дело дошло до драки, то я хотел бы, чтобы эта была драка между большевиками и нацистами». Лондону позднее вторил и Париж.

Следует также признать: негативную роль на внешнеполитическую обстановку в это время оказывало польское руководство. Глава польского государства Ю. Пилсудский на совещании генералитета и особо доверенных лиц назвал Советский Союз в качестве главного противников будущей войне [4, с. 266]. Польша негативно отнеслась к вступлению СССР в Лигу Наций и заключению советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи. В тоже время действия Германии, которая нарушала Версальский мирный договор, никакой отрицательной реакции в Варшаве не вызывали. Польша стремилась не допустить усиления советского влияния в Европе, и практически солидаризировалась с позицией Германии. Находя закономерным с точки зрения политической практики и морали того времени Мюнхенский пакт 1938 г., Польша участвовала вместе с Германией в разделе Чехословакии. Используя вооруженные вылазки, Польша добилась от деморализованного Мюнхенским стовором чехословацкого руководства передачи области Тешин в Моравии, после чего она стала первой вслед за Германией страной, получившей выгоду от предпринятой Гитлером перекройки карты Европы [5, с. 34]. Действия такого рода не без оснований порождали в Москве подозрения о наличии германо-польских договоренностей. СССР уже тогда предупреждал польское руководство о разрыве ранее заключенных с ней соглашений.

Такой ход международных отношений окончательно убедил советскую сторону (к середине августа 1939 г.) в том, что западные миссии приехали с пустыми руками и не готовы к подписанию военной конвенции. Настойчивая инициатива Германии об улучшении отношений с СССР стала рассматриваться И. Сталиным как мера, способная остановить германскую агрессию подальше от своих западных границ, позволит на какое-то время оставаться вне европейской войны между Германией и западными странами, которая, как он считал, могла возникнуть в результате германо-польского конфликта. Советское руководство полагало, что западные страны выступят в войну на стороне Польши и она примет затяжной характер, и, ослабив, в целом капиталистическую систему, даст возможность СССР усилить свой военно-экономический потенциал. В результате под-

писания Пакта СССР получал гарантии (хотя и ненадёжные) сохранить мир на Западе. Пакт с Германией охладил японское руководство, нацеленное на конфликт с СССР: 15 сентября 1939 г. Япония подписала соглашение с СССР и МНР о прекращении боевых действий.

После того, как советской общественности стало известно содержание секретного дополнительного протокола к Пакту от 23 августа 1939 г. (а это произошло лишь в середине 1980-х гг.), авторы стали обращать внимание на ряд противоречивых проблем, в том числе и изменений в белорусской государственности накануне и в начале Второй мировой войны. Казавшиеся ранее незыблемые версии о территориальных приобретениях СССР в контексте германо-советского договора, о выгодах, полученных белорусами при воссоединении стали подвергаться серьезной критике в научном сообществе нашей республики. Отдельные авторы отмечают, что Договор и приложение к нему о разграничении сфер обоюдных интересов Германии и СССР в Восточной Европе, приняты в обход законов СССР и договорных обязательств перед третьими странами. Считают, что подписание этих документов нанесло серьезный урон международному престижу СССР, послужило толчком к началу новой мировой войны [6, с. 81–82]. Особенно негативную оценку в зарубежной, да и в отечественной историографии имеет вторая статья дополнительного протокола к Пакту, где указано, что в случае территориально – политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Висла и Сана [7, с. 318–321].

Это была этническая граница между поляками, белорусами и украинцами. Авторы, пропагандирующие этот тезис не утруждают себя ответом на вопрос: почему СССР вынужден был пойти на заключение договора? Скорее всего, следует признать, что неожиданный поворот в политике высшего советского руководства в отношении Германии обусловлен (а это сегодня подтверждается рассекреченными архивными документами, содержание которых привел в своем выступлении в январе 2020 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин), реальной на то время исторической ситуацией, обстоятельствами, которые вынудили СССР сделать этот шаг. После того как исследователям стали доступны секретные документы по ключевым вопросам истории Великой Отечественной войны, о двуручничестве представителей англо-французских кругов, о поиске Польшей сговора с гитлеровской Германией и милитаристской Японией, они пришли к выводам, что Советское правительство, подписывая Пакт и секретный протокол, решало задачи, которые в условиях нарастающей агрессии могли укрепить положение страны. Как следует из текста документов, соглашение давало СССР определенные гарантии безопасности.

Известные советские историки В.И. Дашичев, М.И. Семиряга, Г.Л. Розанов в своих работах доказывают: именно условиями протокола

СССР удалось получить свободный выход из Финского залива на просторы Балтики, приобрести незамерзающие порты на побережье Балтийского моря, включить Латвию, Эстонию и Финляндию в сферу советских государственных интересов с последующим вхождением их в состав Советского Союза, присоединить земли Западной Украины и Западной Беларуси, Бессарабию и Буковину, укрепить советские позиции на Балканах, открыть свободный выход к морям через Босфор и Дарданеллы и закрепить советские позиции путем создания военных и военно-морских баз в обоих проливах, на Дальнем Востоке – занять Южный Сахалин, Курильские и «Южные Курилы».

В белорусской исторической науке по вопросу об отношении СССР и Германией на завершении 1930-х гг. сложилась, как мне представляется, наиболее реалистическая оценка (хотя некоторые авторы стремятся сегодня доказать обратное), которую трудно опровергнуть: ни договор о ненападении, ни приложенный к нему секретный дополнительный протокол не содержали статей о военном сотрудничестве двух государств и не обязывали их вести боевые действия против третьих стран или оказывать помощь в случае участия одной из сторон в военном конфликте. Правильное понимание действий СССР во внешней политике в 1930-х – в начале 1940-х гг. приходило по мере приближения к нападению Германии на СССР даже к его недоброжелателям. Политическая элита буржуазно-демократических стран все больше склонялась к мнению, что германско-советский пакт и советское нападение на Финляндию были следствием скорее опасений со стороны Советов германской агрессии, нежели коммунистической экспансии. В условиях провала попыток создания системы коллективной безопасности навряд ли можно было что-либо сделать для сохранения независимости Польши, судьба которой была решена в Берлине еще 3 апреля 1939 г., когда Гитлер подписал директиву о ее поглощении. Достигнутые договоренности между Германией и СССР не делали их союзниками ни формально, ни фактически. Германско-советский договор стал значительным дипломатическим и политическим актом, который завершил фазу предвоенного кризиса, причем являлся результатом кризиса, а не его причиной [8, с. 56].

Несмотря на всю противоречивость данного договора, разные суждения о сути прописанных в нем статей, а также секретного приложения к нему, его заключение в то время по воссоединению Западной Беларуси с БССР (той же территории Украины, а позже Бессарабии и Буковины) соответствовало интересам большинства населения края и способствовало консолидации белорусской нации. Как отмечается в нашей историографии, включение территорий Западной Беларуси в состав БССР, рассматривается как акт исторической справедливости: закончился трагизм разделенности белорусской нации, длившийся с 1921 г. по 1939 г., исправлена историческая несправедливость Рижского мирного договора в отношении белору-

сов. Воссоединение положило конец разделу Беларуси, восстановило ее территориальную целостность, воссоединило белорусский народ в единую семью [8, с. 3].

Вторым наиболее актуальным в рассматриваемой теме является вопрос о белорусской государственности в военно-политических планах нацистской Германии. А том, что представляет собой фашизм испытали все, кто оказался под властью гитлеровцев и их помощников. После захвата советской территории гитлеровцы приступили к реализации своих планов по определению места каждого народа в будущей германской империи. Согласно заранее разработанного и принятого в начале апреля 1941 г. «Меморандума относительно целей и методов установления господства на оккупированных советских территориях», первоочередной мерой территориального устройства предусматривалось разрушение существующих государственных структур управления, запрет на создание в будущем разветвленного государственного аппарата. В отношении БССР в этом документе сказано, что это одна из наиболее отсталых в экономическом и культурном отношении республик СССР и как второй по величине (после Польши – *И.М.*) еврейский резервуар, так как в ней расположены насыщенные еврейством города Белосток, Минск, Полоцк, Витебск и др., где евреи эксплуатируют коренное население. Пробудить у белорусов собственную национальную жизнь и создать жизнеспособное государственное образование может считаться предприятием чрезвычайно длительным и сложным [9, с. 17–23]. Правда, в одном из немецких документов указывалось о возможности передачи Беларуси части территорий Центральной России со столицей в Смоленске. Однако в этом контексте речь шла не о белорусском государственном образовании, а только как о географической территории. Окончательное своё оформление система немецко-фашистского оккупационного режима на оккупированных территориях получило на совещании 16 июля 1941 г. в Ставке А. Гитлера, где было ещё раз подтверждено, что главной целью войны является захват и расчленение территории СССР. Здесь же была утверждена структура военно-полицейских и гражданских оккупационных властей, определены методы управления захваченными землями, кандидатуры их руководителей [10, с. 47–50].

На следующий день, 17 июля 1941 г., был издан приказ А. Гитлера, в соответствии с которым было создано имперское Министерство по делам оккупированных областей («Восточное министерство») под руководством А. Розенберга [11, с. 51–54]. Затем, в апреле 1942 г. на одном из совещаний А. Гитлер внес ясность в свою политику по отношению к захваченным территориям. Он заявил, что на оккупированных территориях имеется необходимость «подавления всякой государственной организации и тем самым создания условий для того, чтобы держать население этих национальностей на возможно более низком культурном уровне. В соответствии с указаниями из Берлина оккупанты уничтожили государственную само-

стоятельность белорусского народа и даже территориальную целостность республики. Осенью 1941 г. оккупированная Территория Беларуси была поделена на отдельные части:

Южные районы Гомельской, Полесской и Пинской областей, часть Брестской области были включены в рейхскомиссариат «Украина»;

Белостокская область, северные районы Брестской и часть Барановичской областей отошли к округу «Белосток», который присоединялся к Восточной Пруссии;

Витебская и Могилёвская области, восточные районы Минской, а также большая часть Гомельской областей были отнесены в зону тыла группы армий «Центр»;

Северо-западная территория современной Витебщины и Минщины (часть Ошмянского, Свирского, Видзовского, Островецкого, Сморгонского и Поставского районов) присоединили к генеральному округу «Литва».

Большая часть территории Беларуси, главным образом восточная, входила в зону тыла группы армий «Центр». Частично южные её районы оказались в тылу группы армий «Юг»;

В генеральный округ «Беларусь» (генеральный комиссар В. Кубе, г. Минск), вошли Барановичская, Вилейская, Минская (без восточных районов), северные районы Брестской, Пинской и Полесской областей, что составляло только треть территории Беларуси с населением в 3138256 человек (на момент 4 декабря 1941 г.).

Разорвав целостную территорию Беларуси и вводя тем самым новые границы, нацисты считали, что это облегчит процесс преобразования её в германскую колонию. Насилие и зверства являлись составной частью политики германского руководства во всех частях оккупированной территории республики. В течение всего периода оккупации фашисты планомерно осуществляли политику геноцида – планомерного уничтожения целых групп населения по тем или иным мотивам: из-за принадлежности к советским активистам, членству в политических партиях и молодежных организациях (ВКП(б), ЛКСМБ), по национальному признаку – евреев, цыган и т.д. Особенно агрессивной и бескомпромиссной была политика нацистских идеологов к партийно-советским активистам. Задача ставилась четко и ясно: «Мы должны вырвать их мозг, мы должны уничтожить их культурный слой» [12, с. 227]. Это было не просто пропагандистское заявление, а своеобразная программа действий. В соответствии с заранее разработанными инструкциями гитлеровцы, сразу после вторжения выявляли коммунистов, комсомольцев, евреев, цыган, советских активистов, а также оказавшихся в окружении командиров и политработников. Все они подлежали уничтожению. Бывший генерал войск СС Бах-Зеленевский, на которого была возложена борьба с партизанским движением, признался на Нюрнбергском процессе, что вся практическая деятельность оккупационных властей и германских войск протекала в соответствии с заранее разрабо-

танном плане уничтожения 30 млн. славян. И «если бы ситуация не изменилась в результате развития событий, то задача была бы выполнена».

Анализ поведения нацистов на временно оккупированной территории, в непродолжительное по историческим меркам время, убеждает даже глубоких скептиков: их планы были бы реализованы, скорее всего с опережением. Нацисты с самого начала придали войне расовый характер. 30 января 1939 г. Гитлер говорил, что «результатом войны будет ... уничтожение еврейской расы в Европе». Что касается не немецкого населения Востока, то они должны стать рабами, их обучение «не должно быть выше, чем четырехклассная народная школа. В этой народной школе должны учить лишь простому счету до пятисот, написанию своего имени и тому, что Господь Бог требует слушаться немцев». Даже умение читать для славянского населения Гитлер считал излишним. Указаниям Гитлера беспрекословно подчинялись структурные учреждения, созданные немцами на оккупированной территории. Глава политического отдела Генерального комиссариата Беларуси Мирш при назначении на этот пост заявил: «Мы идем в Беларусь как господствующая раса. Ни один из нас не должен там ничего делать, даже сам носить портфель. Тротуары только для нас, народ обязан ходить по грязи, мы пришли в эту страну, обладая сведениями, что найдем здесь примитивный, отсталый, провинциальный народ, которым можно управлять простыми средствами».

Фашизм создал армию жестоких, послушных солдат. Умение подавлять в себе добрые чувства, беспрекословно подчиняться приказам воспитывалось в этой стране уже в школах. Для этого, как пишет один из узников фашистских концлагерей, «школьникам давали задания выращивать кроликов, ставили оценку за чистоту содержания животного, поощряли привязанность ребенка к животному и, когда любовь маленького человека достигала высшей фазы, отдавали приказ зарезать своего друга. Эта детская подготовленность формировала хобби и идеал человека, способного убивать, насиловать, грабить, жечь живьем людей» [13, с. 14].

Поскольку вся система советского законодательства на оккупированной территории была уничтожена, а собственных сил для организации военно-политического управления у Германии не хватало, это заставило ее создавать вспомогательные органы власти из числа местного населения. Вначале немецкий военно-административный аппарат опирался на помощь прибывших в обозе наступающих германских частей лидеров белорусской эмиграции. Их круг был незначителен (в отдельных источниках определяется числом 50). Эти люди имели надежду, как и в 1918 г., на построение в Белоруссии своей государственности путем военно-политического сотрудничества с германским руководством через местную оккупационную власть. Инспирированные фашистами структуры (Белорусская народная самопомощь, Белорусская рада доверия, Белорусская центральная рада, Союз белорусской молодежи, др.), и возглавляющие их идеологические лидеры оторванные от собственного народа, не пользовались авторитетом

даже у самих оккупантов. Попытки коллаборантов помочь оккупантам реализовать их нацистские планы, одновременно утвердиться во власти самим, не могли быть изначально приняты здравомыслящим населением Беларуси. Созданные путем насилия структуры для усиления оккупационного режима и борьбы с массовым подпольным и партизанским движением, как и следовало ожидать, оказались малочисленными. Несмотря на то, что в середине августа 1939 г. произошло полное прекращение публичной антифашистской пропаганды, это не ослабило антифашистских чувств советских людей. Сформированная в предшествующие годы ненависть к фашизму была необратима. Оккупанты об этом знали и чувствовали. Генеральный комиссар генерального округа Беларусь В. Кубе, выступая перед доверенными лицами, говорил: «Еще когда мы появились тут в августе 1941 г., мы должны были понять, что все то, что говорилось о Беларуси, не соответствует действительности. Фактом является то, что этот народ за 25 лет, с 1917 по 1941 гг. сделал все же чрезвычайный шаг вперед» [14, с. 2]. Как политик и идеолог германского нацизма, занимая высокую должность, В. Кубе понятно был в выражениях сдержан, но, как покажут дальнейшие события, он хорошо понимал, что подавляющее большинство жителей республики ненавидят фашизм, как и подобает патриотам, защищают свою страну. Как видно, события предвоенного и периода начала Второй мировой войны в целом положительно сказались на развитии белорусской государственности. Воссоединение Западной Беларуси с БССР предотвратило угрозу полонизации и ассимиляции белорусов. Несмотря на трудности и деформации, которые имели место в период социалистических преобразований в Западной Беларуси при воссоединении ее с Восточной, объединение нации считается актом исторической справедливости. Беларусь впервые за всю историю стала территориально целостным государством, и это явилось важным фактором стремительного национально-государственного развития, общего поступательного движения белорусского народа по пути прогресса и укрепления его национальной государственности.

На захваченной агрессором территории Беларуси происходили сложные национально-государственные процессы. Задача германского руководства состояла в том, чтобы лишить белорусов государственности. Заняв территорию БССР, они стремились ее реализовать. Не станем утверждать, что в Белоруссии во время оккупации было одно лишь геройство, но идеи оккупантов и коллаборантов о создании здесь вспомогательных структур для государственного управления оказались мифическими, надуманными. Основные силы белорусов в это тяжелое время, несмотря на террор, насилие, пропаганду против Советов и коммунистической идеологии, оставались сторонниками советского государственного строя. Население республики боролось против оккупантов в партизанских отрядах, подпольных организациях, оказывали нацистам массовое сопротивление.

1. Шыбеко, З. Нарыс гісторыі Беларусі 1795–2002 гг. / З. Шыбеко. – Мінск, 2003.
2. Суворов, В. Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну? / В. Суворов. – М., 1992.
3. Мандрик, И.В. Важнейшие слагаемые Победы советского народа в Великой Отечественной войне / И.В. Мандрик // Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова». – 2012. – Т. 13. – С. 5–16.
4. Соколов, В.В. Открывая новые страницы... Международные вопросы : события и люди / сост. Н.В. Попов. – М. : Политиздат, 1989.
5. Год кризиса. 1938–1939 : док. и материалы. – Т. 2. – М., 1990.
6. Павлов, Я.С. «Болевые точки» истории Беларуси (из научного наследия) / Я. С. Павлов. – Минск, 1997.
7. Риббентроп, И. Между Лондоном и Москвой: Воспоминания и последние записи из его наследия, изданного Аннелиз фон Риббентроп. – М. : Мысль, 1996.
8. История белорусской государственности : 5 т. / редкол.: А.А. Коваленя (гл. ред.) [и др.]. – Т. 4 : Белорусская государственность накануне и в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1939–1953 гг.) / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории ; отв. ред. Н.Б. Нестерович. – Минск : Беларуская навука, 2019.
9. Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933–1945 : исторические очерки, документы и материалы: в 4 т. / Рос. акад. наук, Ин-т междунар. экон. и полит. исслед ; отв. ред. В.И. Дашичев. – Т. 3. – М. : Наука, 2005.
10. Из протокольной записи совещания Гитлера с руководителями фашистского рейха о целях войны против Советского Союза от 16 июля 1941 г. // Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. (1941–1944 гг.) / сост.: Г.Ф. Заставенко [и др.] ; под общ. ред. Е.А. Болтина и Г.А. Белова. – М. : Экономика, 1985.
11. Приказ Гитлера о гражданском управлении во вновь оккупированных восточных областях от 17 июля 1941 г. // Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. (1941–1944 гг.) / сост.: Г. Ф. Заставенко [и др.] ; под общ. ред. Е.А. Болтина и Г. А. Белова. – М. : Экономика, 1985.
12. Безымянский, Л. Особая папка «Барбаросса» / Л. Безымянский. – М., 1972.
13. Обрыньба, Н. Судьба ополченца / Н. Обрыньба. – М.: Яуза ; Эксмо, 2005.
14. Советская Белоруссия. – 1988. – 19 октября.

Гребень Е.А.

**ГОРОДСКАЯ И СЕЛЬСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ
ПЕРИОДА ГЕРМАНСКОЙ ОККУПАЦИИ БЕЛАРУСИ 1941–1944 гг.:
ОБЩИЕ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

В условиях германской оккупации Беларуси 1941–1944 гг. и городские и сельские жители существовали в сходных условиях: чужая власть, насилие со стороны немецких силовых структур и коллаборационистов, идеологический прессинг, обязательная трудовая повинность, одинаково тяжелое материальное положение. На фоне общих моментов социально-